

А. М. СЕЛЕЗНЕВ

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вопрос о причинах возникновения капиталистической цивилизации именно в пределах средневековой западноевропейской феодальной цивилизации, вопрос об обстоятельствах, обусловивших ее трансформацию в капиталистическую цивилизацию, является серьезным социально-философским вопросом, непосредственно затрагивающим проблемы единства всемирно-исторического развития человечества, проблемы общечеловеческих, гуманистических идеалов, проблемы революции капиталистической как такой общественно-экономической революции, которая преобразует не только феодальную цивилизацию в Европе, но и все другие цивилизации, расположенные на других континентах.

Выяснение преимуществ пути западноевропейской средневековой феодальной цивилизации, обусловившей ее трансформацию в капиталистическую цивилизацию, предполагает сравнение этого пути с линией развития каждой другой цивилизации в отдельности по ряду параметров. Важнейшими из них являются особенности частной собственности на землю, специфические черты общественного разделения труда между ремеслом и земледелием, уровень и характер развития товарно-денежных отношений, место города в общественной жизни, особенности духовной жизни общества, место городских сословий в системе экономических и социально-политических отношений, характер взаимоотношения между городом и деревней, принимая во внимание, конечно, что господствующей сферой хозяйства в средневековой сословно-классовой цивилизации является не ремесло, а сельское хозяйство.

Социально-экономические предпосылки возникновения капиталистической цивилизации

Формирование социально-экономического и политико-правового строя западноевропейской феодальной цивилизации происходило принципиально по-иному, чем античной греко-римской цивилизации. Во-первых, на основе тех порядков, которые принесли с собой германские варвары (а это были порядки разлагающегося первобытнообщинного строя); во-вторых, под влиянием обломков античного рабовладельческого строя (на завоеванных территориях какое-то время сохранялись остатки прежних классов: крупные земельные собственники, колонны, рабы – и продолжали действовать законы, регулирующие их отношения); в-третьих, под сильным духовным воздействием сохранившей свои позиции христианской церкви (главенствующую роль в церкви на Западе сохранил за собой епископ Римской христианской общины).

Если принять во внимание тот факт, что рабовладельческая Западная Римская империя уже в III–IV вв. вступила в полосу глубокого экономического кризиса, когда относительно развитые товарное производство, торговля и денежное обращение сменились натурализацией производства, если учесть также, что свертывание экономических связей между ее различными регионами привело к распаду единого средиземноморского рынка, к запустению городов и началу натурализации отношений в сельском хозяйстве, то все равно завоеватели – германские племена IV–V вв. – в своем экономическом развитии стояли значительно ниже, чем завоеванные ими римляне. Именно поэтому с собой они принесли еще больший экономический упадок и еще большую варваризацию социально-экономического строя. Глубокий упадок культуры выразился в том, что очаги грамотности сохранились здесь лишь в христианских монастырях.

В германских варварских государствах, возникших на территории бывшей Западной Римской империи, господствующее положение приобрело примитивное сельское хозяйство, основной экономической ячейкой хозяйственного производства стала германская община – марка.

Западная Европа, как свидетельствует историческая наука, в течение четырех веков после завоевания ее германскими варварскими племенами (т. е. с V до IX в.) топталась на том же низком уровне экономики, который застали германцы в Западной Римской империи в V в. и который они к тому же первоначально еще более снизили. Никакой сколько-нибудь серьезной перемены в производительных силах Западной Европы, а это были преимущественно производительные силы сельского хозяйства, в это время не произошло.

Но зато в этот же период в аграрных отношениях населения германских государств произошел глубокий переворот. На первом этапе этого переворота земельная община германских варварских племен (марка) с общей собственностью на землю, подлежащую периодическому переделу, сменилась соседской общиной, в которой участки земли, однажды выделенные в пользование членам общины, были окончательно закреплены за ними в качестве частной собственности, аллода. Уже на этом этапе большое распространение получили крупная земельная собственность и вотчинное хозяйство, в котором трудились зависимые от вотчинников крестьяне, но пока что не вотчина крупного земельного собственника, а аллод свободного крестьянина определял основные черты аграрного строя варварских германских государств.

Появление аллодиальной собственности свободных крестьян повлекло за собой ряд существенных материально-производственных и социально-экономических последствий. Прежде всего мелкое парцеллярное хозяйство, освобожденное от пут общинной собственности, существенно повысило экономическую заинтересованность крестьянина, привело к серьезному улучшению технологии сельскохозяйственного производства, росту потребностей в более совершенных орудиях труда для нужд производства и скотоводства. Эти нужды стимулировали выделение социального слоя, специально занятого удовлетворением спроса на такого рода орудия, а именно, ремесленников.

Другими следствиями утверждения аллодиальной собственности на землю явились возникновение имущественного неравенства внутри марки, социальной дифференциации, усиление экономической и правовой зависимости от крупных землевладельцев-вотчин-

ников (синьоров, феодалов) и, наконец, почти полное закрепощение основной массы ранее свободного крестьянства. Однако характерно, что в основанных германскими варварами и уже ставших феодальными государствах Западной Европы закрепощение крестьян не привело ни к ликвидации сельской общины (феодал в своей хозяйственной деятельности вынужден был считаться в какой-то мере с сохранившимися, хотя и в ослабленном виде, общинными порядками; крестьяне при всяком удобном случае использовали сельскую общину в качестве средства сопротивления феодальному гнету), ни к возрождению и распространению рабства. Юридическое оформление земельного участка зависимого крестьянина в виде условного, пожизненного или наследственного держания гарантировало известную, большую или меньшую, долю прав. Как ни велик был гнет закрепощенных крестьян, их социальное и юридическое положение было неизмеримо выше положения колонов последних веков существования Западной Римской империи.

Вне всякого сомнения, колонат и другие формы феодализации хозяйственной жизни, перешедшие в наследство германским варварским государствам от Западной Римской империи, сыграли заметную роль в генезисе феодализма в Западной Европе. Но не они, отягощенные множеством рабовладельческих привесков, а становившиеся в ходе разложения общинного строя германских варваров феодальные отношения играли доминирующую роль в этом генезисе. Именно этим новым феодальным отношениям Западная Европа была обязана началу того подъема производительных сил, который начался в этом регионе в X–XI вв. и нашел свое выражение в резком ускорении процесса отделения ремесла от земледелия, города от деревни.

Конечно, растущий слой ремесленников и торговцев старался в полной мере удовлетворить возросшие к этому времени запросы господствующего класса. Однако только ростом запросов эксплуататорских слоев, ориентированных в значительной степени на приобретение предметов роскоши, было бы трудно объяснить не только повсеместное возрождение многих городов, сохранившихся еще с древнеримских времен, но и возникновение многих новых городов, в которых концентрировались местное ремесло и торговля и в которых удельный вес транзитной торговли, как свидетельствует

историческая наука, был относительно невелик. Главная же причина быстрого роста ремесла и торговли с завершением феодализации западноевропейских городов состояла в том, что новая, феодальная цивилизация сняла с развития ремесла и торговли ту социальную и нравственную блокировку, которая загнала в тупик античное ремесло и торговлю.

Как известно, аграрный переворот, происшедший в последний период варварства у древних греков и римлян и приведший к зарождению античной полисной цивилизации (примерно IV–VI вв. до н. э.), также сопровождался отделением ремесла от земледелия, ростом товарно-денежных отношений, превращением античных городов в центры торговли, ремесла и культуры, быстрым подъемом производительных сил. Однако на шкале социального престижа в греческих и италийских городах единственно достойным считался земледельческий труд. Торговля и в особенности ремесло рассматривались в качестве деятельности низшего сорта, достойной лишь рабской доли.

Здесь важно обратить внимание на тот факт, что античная полисная цивилизация далеко не сразу превратилась в рабовладельческую, как и западноевропейская феодальная цивилизация стала превращаться в капиталистическую. Лишь по мере развития античной цивилизации, сопровождавшегося все большим разорением мелких земельных собственников и соответственно заменой свободного земледельческого труда крестьян рабским трудом в *крупных* латифундиях, в качестве презренного занятия стал рассматриваться и труд в сельском хозяйстве. Праздный досуг, пусть даже нищенский, в сознании свободных бедняков оказался предпочтительнее сносного существования за счет результатов собственного труда. Тем самым была подорвана основа всякой заинтересованности в свободном труде. При таком положении технический прогресс как в ремесле, так и сельском хозяйстве должен был застопориться. Ослабление же притока рабов в результате захватнических войн неминуемо должно было привести и привело античную рабовладельческую экономику к полному краху.

Ничего подобного не случилось в средневековой западноевропейской феодальной цивилизации. С отделением ремесла от земледелия, города от деревни ремесленная деятельность сразу же за-

няла более почетное место по сравнению с сельскохозяйственной. Высокий авторитет трудовой деятельности ремесленников-горожан содействовал укоренению в сознании широких народных масс презрения к праздности, которой предавались господствующие классы, и глубокого уважения к труду как богоугодному делу.

Именно в условиях феодальной раздробленности западноевропейские средневековые города добились для себя особого социального статуса: личной свободы горожан, независимости города в решении своих внутренних дел. Наиболее крупные города в XIII–XIV вв. превратились в самостоятельные городские республики, подчиненные только центральной государственной власти – королю, императору. Города же, т. е. купечество и ремесленники городов, на определенном этапе развития феодальной цивилизации превратились в главных союзников королевской власти в борьбе с феодальной раздробленностью. К союзу с королевской властью их толкала экономическая заинтересованность: чем прочнее была королевская власть на территории страны, тем шире и устойчивее был национальный рынок, тем эффективнее можно было использовать государственное принуждение для первоначального накопления капитала.

Социально-политические предпосылки возникновения капиталистической цивилизации

Конечно, в сравнении с восточными цивилизациями раннего средневековья становящаяся западноевропейская цивилизация выглядит очень бледно, в особенности если вспомнить, какие поистине блестящие успехи были достигнуты арабо-мусульманской цивилизацией в VII–XI вв. Начав завоевательные походы в конце 630-х гг., арабские халифы к началу 700-х гг. овладели всем Ближним и Средним Востоком, а также Египтом, а к концу 800-х гг. их владения простирались от Пиренейского полуострова на западе до Индостана на востоке. Но еще более впечатляющим был взлет мусульманской культуры, или, как его называют, мусульманского Ренессанса, IX–XI вв.

Но вот что любопытно. Если сравнить развитие западноевропейской христианской цивилизации в период так называемого раз-

витого средневековья (XI–XV вв.) с той же арабо-мусульманской цивилизацией, то картина резко меняется. Если арабо-мусульманская цивилизация как бы застыла в своем развитии, то западно-европейская с каждым столетием набирала все большее ускорение и в XV–XVI вв. уже продемонстрировала свое бесспорное превосходство не только в сравнении с арабо-мусульманской цивилизацией, но и вообще в сравнении со всеми восточными цивилизациями. Более того, все другие цивилизации под ее все усиливающимся воздействием стали перестраиваться по ее образу и подобию.

Если серьезно вдуматься в произошедшую метаморфозу, имевшую всемирно-историческое значение, то придется признать, что ее причины следует искать в тех особенностях западноевропейской феодализации, которая имела место в раннем средневековье. В ней как бы изначально был заложен революционный импульс, который за короткий промежуток времени вывел западноевропейскую цивилизацию на передний рубеж истории.

Завоеывая громадные территории Римской империи, германские варвары устанавливали везде свои общинные порядки и свою систему управления. Эта система со временем привела к установлению крепостнических отношений, т. е. более мягкой форме эксплуатации по сравнению с рабством, и к такой сословно-классовой структуре, к такой иерархической системе взаимоотношений внутри господствующего класса, которая, с одной стороны, гарантировала значительную автономию каждому представителю этого класса от центральной власти, выглядевшей иногда весьма эфемерной, а с другой – обусловило их относительную слабость в отношении зависимого крестьянства, сохранившего значительные элементы общинной сплоченности. Эта слабость обнаруживалась всякий раз, когда та или иная община превращалась в силу объективных условий своего развития в городскую общину. Дело в том, что как бы ни была велика экономическая и правовая зависимость закрепощенных крестьян от своих феодалов, степень эксплуатации, как правило, ограничивалась обычаем. Феодалы постоянно посягали на обычаи. Борьба за их сохранение была одним из основных узловых пунктов классовой борьбы.

Города в западноевропейской феодальной цивилизации складывались в массе своей принципиально иначе, чем города восточ-

ных цивилизаций. В большинстве своем первоначально это были обыкновенные деревни-общины, которые входили в состав вотчины феодала и отличались от других деревень-общин главным образом тем, что в силу выгодного расположения на пересечении торговых дорог основным занятием их жителей являлись ремесло и торговля, хотя большая часть населения средневековых городов всегда имела подсобные хозяйства. Но у них были два больших преимущества по сравнению с сельским населением. Во-первых, они располагали значительными средствами, чтобы выкупить повинности у феодалов и сосредоточить тем самым управление своим городом в своих руках, во-вторых, в случае сопротивления феодала требованиям горожан они имели возможность создавать свои вооруженные отряды и оказывать ему военное сопротивление. Революционное движение средневековых городов за сохранение и расширение своих прав и вольностей сыграло громадную роль в укреплении королевской власти в стране, в пресечении феодальной анархии, препятствующей формированию общенационального рынка. Со своей стороны, и центральные органы государственной власти делали многое для законодательного закрепления прав и привилегий городского купечества и ремесленных цехов. Экономический рост средневековых феодальных государств, конечно, в целом создавал более благоприятные условия для классовой борьбы трудящихся против светских и духовных феодалов. Однако у разных сословий, стоящих на низших ступенях социальной лестницы, объем таких условий был различен. Более всего страдало крестьянство. Уже на первом этапе средневековья оно оказывало немалое – пассивное и активное – сопротивление. Однако по мере перехода ко второму этапу крестьянское сопротивление во всех государствах европейской цивилизации становилось все более грозным и опасным для феодального строя.

Католической церкви в XI–XII вв. отчасти удалось направить недовольство крестьян их положением по ложному пути: с одной стороны, привлечь недовольных к участию в крестовых походах против мусульман, а с другой – вовлечь определенную часть жаждущих бороться против социальной несправедливости в различные монашеские ордены. До поры до времени такие меры сдерживали крестьянские массы от революционных выступлений. Однако

все более широкое проникновение товарно-денежных отношений в деревню делало свое дело. Усиление эксплуатации влекло за собой возрастание революционных настроений крестьянства. В XIII–XIV вв. в Западной Европе феодалы все чаще приходят к выводу, что они сумеют выжать из крестьян большую ренту, если изменят ее натуральную форму на денежную. Это осуществлялось, с одной стороны, путем сдачи своих собственных земель (так называемого домена) в аренду за высокую плату своим же крепостным крестьянам, а с другой – путем замены натурального оброка денежным. В ответ на попытки усилить эксплуатацию крестьяне поднимаются на восстание то в одном, то в другом герцогстве или графстве. К концу XV в. в Западной Европе революционные крестьянские движения заставили класс феодалов предоставить крестьянам свободу. Однако и после ликвидации крепостного права крестьяне еще долгие столетия оставались в зависимости от своих помещиков.

Рост городов, превращение их в крупные центры ремесленного производства сопровождалось также ростом социальной дифференциации. Цеховой строй средневековых городов до определенного времени давал возможность разрешать все более обостряющийся антагонизм между правящей торгово-ремесленной верхушкой городов, так называемым патрициатом, сосредоточившим в своих руках полноту власти, и широкими кругами рядовых мастеров, подмастерьев и наемных работников. В XIV в. в итальянских городских республиках, которые фактически первыми в Европе приступили к налаживанию капиталистического мануфактурного производства, дело доходило до крупных восстаний городских низов.

Духовное развитие западноевропейской феодальной цивилизации с первых же столетий ее становления проходило под все возрастающим воздействием христианства. Правящая верхушка германских варварских королевств довольно быстро оценила два важнейших достоинства христианской религии: проповедь равенства всех людей перед богом независимо от их этнической принадлежности являлась незаменимым средством укрепления власти господствующей верхушки германских завоевателей в условиях многоэтничного состава населения варварских королевств; призыв руководствоваться заповедью Иисуса Христа, что всякая

власть предрежащая дарована богом и все ее предписания следует беспрекословно выполнять, давал возможность удерживать от восстаний как колонов, оставшихся с римских времен, так и германских варваров, которые далеко не сразу отказались от использования родоплеменных демократических учреждений, прежде всего народных собраний разного уровня, в качестве средства сопротивления произволу короля и его ставленников. Поскольку христианская церковь ко времени варварских завоеваний представляла собой довольно стройную, иерархически построенную и дисциплинированную организацию, а ее руководители – епископы, аббаты и т. п. – обычно были более или менее грамотными людьми, чего нельзя было сказать о представителях германской знати, она с самого начала в силу своих возможностей вносила элементы порядка в управление варварскими государствами. За услуги, оказываемые светской властью, господствующий слой щедро одаривал церковь, подчиняя ее юрисдикции одну общину за другой.

К началу второго, зрелого периода развития западноевропейской цивилизации католические епископы и аббаты монастырей органически встроились в иерархически организованную феодальную систему, устанавливая в своих вотчинах – феодах – такие же порядки, какие утвердились в вотчинах светских феодалов. Католическая церковь в Западной Европе, помимо того, что она была безраздельно господствующей духовной силой в обществе, одновременно выступала и как мощная экономическая сила (в пользу церкви крестьяне должны были отдавать так называемую десятину), и как политическая сила, способная не только серьезно влиять на политику того или иного королевства, но и политически доминировать во всей Западной Европе, как это случилось в XI–XII вв. В некоторые периоды отлучение римским папой какого-либо европейского короля от церкви было равносильно лишению его престола. Политическая власть папы римского оказывалась могущественнее власти королей и императоров.

В условиях общего экономического роста на первых порах от политического соперничества, с одной стороны, между королем и центральной администрацией и феодальной вольницей, а с другой – между светской и духовной властью, растущие города во многом выигрывали. В борьбе за свои вольности они искали и находили

поддержку в одних случаях у светской власти, а в других – у церковной. Но по мере формирования национальных рынков все больший протест городского населения вызывал паразитизм духовного сословия. Это обстоятельство больше других заставляло города отдавать предпочтение светской власти в ее борьбе с властью духовной. Занять позиции прочного сторонника светской власти вынуждали также потребности борьбы с крайним обскурантизмом церкви, мешавшим формированию инициативной личности, способной к предпринимательской деятельности, препятствующим развитию естественных наук, в которых нуждались и торговля и ремесленное производство, и, наконец, ставившим препону консолидации растущей буржуазии в самостоятельную политическую силу, что возможно было лишь при расширении политических и гражданских прав и, соответственно, при ограничении политических амбиций дворянства и духовенства.

До поры до времени католической церкви во главе со всемогущей римской курией удавалось удерживать под своим влиянием реформаторские движения богатых городских слоев, приспособлявая тем или иным способом достижения удаленного во времени античного мира (греческая философия, римское право) и параллельно существующего мусульманского мира (медицина, математика) к своим потребностям и держать в узде революционные выступления городских низов под знаменем тех или иных ересей, воспроизводивших идеи раннего, собственно говоря, подлинного христианства. Для этого церковь организовывала различного рода ордены нищенствующих монахов или просто подавляла их вооруженной силой, если они получали слишком большое распространение (вроде альбигойского движения на юге Франции в XII в.). Однако к началу XV в., как показали революционные события в Чехии, духовная диктатура католической церкви в Западной Европе дала серьезную трещину.

Замечено, что во многих регионах западноевропейской цивилизации, оказавшихся в силу благоприятных внешних и внутренних обстоятельств экономически наиболее развитыми, в числе факторов, серьезно ускоривших революционизирование масс, явилось обострение противоречий внутри католической церкви и межнациональных противоречий. В концентрированном виде действие этих

факторов проявилось в Чехии в начале XV в. В самом деле, к этому времени чешское королевство находилось в ряду других королевств, княжеств, герцогств так называемой Священной империи германской нации. Чешское королевство оказалось наиболее развитым и наиболее богатым в сельскохозяйственном и промышленном отношении. На рубеже XIV–XV вв. наступил момент, когда все условия чешского общества: феодалы и крестьяне, купцы и ремесленники, среднее и низшее духовенство – начали осознать, что значительная и все более увеличивающаяся часть созданного трудом чешского народа богатства безвозмездно присваивается высшим духовенством, прежде всего римской курией, а также немецкими феодалами.

Освободиться от этого двойного гнета без борьбы было невозможно. В силу этого социальная борьба с самого начала приняла религиозную и национальную окраску. Идейным вдохновителем этой борьбы стал профессор Пражского университета Ян Гус, требовавший радикальной реформы церкви, в частности, существенного ограничения власти римского папы. Как известно, проповедь Яна Гуса была признана еретической, его самого по решению церковного суда сожгли на костре. Эта мученическая смерть послужила сигналом к всенародному вооруженному восстанию. Гуситские войны длились с 1419 по 1437 г. Гуситское движение началось, когда в Чехии еще не сложился капиталистический уклад хозяйства, и даже в случае его победы можно было бы говорить о создании еще более благоприятных условий для формирования такого уклада. Но, как известно, после военного разгрома в 1437 г. наиболее революционного крыла гуситского движения – таборитов – в Чехии были восстановлены прежние феодальные порядки. Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство в связи с гуситскими войнами. Они отнюдь не прошли бесследно для западноевропейской христианской цивилизации. Идеи гуситов в той или иной форме осмысливались и воспроизводились в революционных движениях Европы последующих двух веков. Гуситское движение было прелюдией Реформации – разностороннего революционного движения, развернувшегося уже в XVI в.

Какая бы европейская страна ни выдвигалась вперед в то или иное столетие так называемого развитого периода западноевропей-

ской христианской цивилизации, сама по себе эта цивилизация, взаимодействуя первоначально лишь с арабо-мусульманской и византийской цивилизациями, развивалась как известная целостность по своим социально-политическим закономерностям, существенно отличающимся от закономерностей других – предшествующих и параллельно с ней развивающихся цивилизаций.

Поражение чешских гуситов, естественно, в какой-то мере затормозило поступательное развитие западноевропейской цивилизации, но тем не менее в целом она во второй половине XV в. продвинулась значительно вперед, прежде всего с точки зрения развития производительных сил. Но на этот раз такой рост, вобравший в себя все важнейшие технические достижения не только западноевропейской, но и всех современных ей восточных цивилизаций, принял формы первоначального накопления капитала. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, ограничение привилегий городских ремесленных цехов, государственное стимулирование частного предпринимательства создавали благоприятные условия для формирования капиталистического уклада хозяйства. Открытие Америки и морского пути в Индию благоприятствовало капиталистической экспансии во все уголки земного шара. В рамках западноевропейской феодальной христианской цивилизации начались межформационные революции всемирно-исторического значения – переходный период от рентного способа производства всех видов, прежде всего феодального, к капиталистическому.

Духовные предпосылки возникновения капиталистической цивилизации

Для осуществления этого перехода нужны были люди с другим складом мышления, не скованным жесткими рамками средневекового христианского мировоззрения. Таких людей подготовили и создали две хронологически отчасти следующие одна за другой, а отчасти переплетающиеся одна с другой эпохи – эпоха Возрождения (Ренессанса) и эпоха Реформации. Результатом этих двух духовных революций явилось полное или, если быть более точным, почти полное обновление взглядов человека (имеются в виду, конечно,

передовые слои общества) на мир, прежде всего на окружающую его социальную среду, и на свое место в этом мире, в этой среде.

До начала эпохи Возрождения, а точкой отсчета здесь является ознакомление, а затем и овладение высотами античной культуры: философии, науки, искусства, мифологии – средневековый человек находился во власти христианских догматов об извечной греховности человека, об аскетизме и умерщвлении плоти как единственно возможном способе существования и гарантированном пути к достижению райского блаженства. Эти догматы предписывали ему смотреть на существующий общественный строй как на предписанный богом и если и подлежащий какому бы то ни было изменению, то только в соответствии со Священным писанием и только в такой интерпретации, которая дается католической церковью, ибо эта церковь – «тело Христово».

Возрождение как принципиально новое духовное направление в противоположность христианскому поощрению аскетизма и принижению значимости земной жизни в качестве высшей ценности выдвигает именно земную жизнь, полную борений, страстей, наслаждений, удач, разочарований. Короче говоря, ведущей идеей эпохи Возрождения является гуманизм, возвышение личности живущего и в то же время смертного человека. Деятели эпохи Возрождения меньше всего обращали внимание на то, что древнегреческие философы признавали естественным деление общества на рабов и рабовладельцев, так как в большинстве своем рассматривали социальное неравенство само собой разумеющимся. Их больше всего привлекали беззаветная преданность античных мыслителей истине, стремление согласовать нравственные отношения с разумом и разумными же доводами обосновать право человека на свободу в своей деятельности.

Большинство идеологов этой эпохи в своих гуманистических идеях не выходили за рамки тех интересов, которыми руководствовалась нарождающаяся буржуазия, а именно, интересов свободного предпринимательства, а следовательно, и свободы эксплуатации. Тем не менее эта эпоха выдвинула и такого мыслителя, который предпринял гениальную попытку соединить идею гуманизма с идеей обеспечения всех людей таким уровнем благосостояния, который бы делал их подлинно свободными, т. е. социально защи-

ценными от эксплуатации и в этом смысле социально равными. Это был Томас Мор. Его знаменитое произведение «Утопия» положило начало развитию социалистической мысли.

Одним из направлений деятельности мыслителей эпохи Возрождения являлось стремление подвергнуть христианское вероучение, начиная с Ветхого и Нового завета и кончая постановлениями Вселенских церковных соборов и энцикликами папы римского, анализу с точки зрения разума и с точки зрения соответствия деятельности католической церкви в XV в. христианскому вероучению.

Благодаря книгопечатанию откровенно рационалистические научные изыскания деятелей Возрождения, собственно говоря, новой, в основном светской интеллигенции, получили широкое распространение. У массового читателя их продукции, а это были в основном горожане, все шире открывались глаза на неприглядную роль католической церкви в жизни и все больше нарастал протест против политики, которую проводила папская курия. Этот протест нашел свое теологическое обоснование в учениях таких выдающихся мыслителей, как Лютер, Кальвин, Цвингли, которые в своей преданности христианству как единственно истинной, с их точки зрения, вере доходили до призыва не признавать папу римского как наместника Иисуса Христа на земле, признать единственным источником откровения Священное писание, а внутреннюю личную веру единственным путем «спасения».

В социально-экономическом отношении чрезвычайно важное значение имела проповедь личного преуспевания как вернейшего доказательства высокой оценки богом деятельности человека в его земной жизни (это, собственно говоря, была проповедь буржуазного индивидуализма, облаченная в христианскую фразеологию), а также призыв реформировать церковь по образцу демократически организованных христианских общин. Этот призыв имел в ту пору революционное значение, так как объективно был направлен (как это было потом доказано и Нидерландской, и Английской, и Североамериканской революциями) на обоснование необходимости свержения феодальной монархии и организации политического устройства республиканского типа.

Реформация как идейное течение и политическое движение ведет свое начало с конца XV – начала XVI в., а как политическое общеевропейское движение оно длится фактически вплоть до победы английской революции XVII в. Нельзя пройти мимо того, что Реформация во всей Европе вызвала ожесточенное сопротивление феодальной реакции и прежде всего самой католической церкви. В исторической науке оно получило название Контрреформации. Это сопротивление в ряде стран победило. Кальвинисты потерпели поражение во Франции в ходе длительной гражданской войны. По инициативе вдохновителей Контрреформации с 1618 по 1648 г. в Германии длилась кровопролитная так называемая Тридцатилетняя война, отбросившая страну на десятилетия назад и надолго разделившая ее на лютеранский север и католический юг. Но если подвести общий итог противостояния Реформации, т. е. антифеодальной социально-политической и духовной революции, и Контрреформации, то в целом он оказался в пользу Реформации. Западно-европейская цивилизация, благодаря ей, в значительной степени превратилась из феодальной в капиталистическую. Даже в тех странах, где Реформация потерпела поражение, прежде всего во Франции, капиталистический уклад хозяйства тем не менее продолжал укрепляться, хотя и значительно медленнее, чем в Швейцарии, Нидерландах и Англии.

Сравнительный анализ античного полисного и западноевропейского феодального строя приводит к выводу, что второй в большей степени, чем первый, содействовал развитию частной собственности, в частности на землю, больше содействовал развитию товарного производства в городах, товарообмена между отдельными областями страны. Феодальный строй в наибольшей для своего времени степени содействовал складыванию общенационального рынка, развитию частного предпринимательства как¹ горожан, так и крестьян, постепенному ослаблению внеэкономического принуждения вследствие постепенной замены натуральной ренты денежной, возникновению капиталистического уклада хозяйства. Только в условиях зрелого феодализма в сознании широких слоев населения начинают формироваться представления, что частное предпринимательство в сфере производства и обмена экономически выгоднее, чем хозяйствование на основе рабского или крепостнического тру-

да, что и в социальном отношении предпринимательство предпочтительнее, так как в большей мере содействует самоутверждению личности, проявлению ее способностей и дарований, чем деятельность феодальной знати, ориентированной на праздное времяпрепровождение. Предпринимательски трактуемый труд, ориентированный на накопление капитала, явился той ценностной ориентацией, которая субъективно подготовила условия для трансформации феодальной цивилизации в капиталистическую.

Капиталистический уклад хозяйства сложился первоначально в Северной Италии, оказавшейся в силу исторических судеб на перекрестке торговых путей между Западной и Восточной Европой, Византией, Северной Африкой и арабо-мусульманским Ближним Востоком. Благодаря притоку значительных капиталов, которые накапливались итальянскими купцами вследствие неэквивалентной торговли с окружающими странами, городам-государствам Северной Италии удалось первыми вступить на путь капиталистического предпринимательства. Особенно значительными в этом отношении были успехи Флоренции. Этим объясняется, что и эпоха Возрождения (как процесс революционной трансформации средневековой феодальной культуры в капиталистическую) началась именно в Северной Италии и, что важно подчеркнуть, именно в католической Италии.

Это обстоятельство небезынтересно отметить, так как в начале XX в. немецкий социолог и историк Макс Вебер пытался доказать, будто бы важнейшей причиной возникновения капитализма в Европе явилось возникновение в первой половине XVI в. в силу чисто духовных причин христианской ереси – кальвинизма. С точки зрения М. Вебера, получалось, будто ортодоксальный католицизм был непреодолимым препятствием для возникновения капитализма.

У нас нет оснований оспаривать общепризнанный в исторической науке факт, что кальвинистская религия с самого начала являлась выражением интересов нарождающейся буржуазии, тогда как католицизм прежде всего был приспособлен к обслуживанию класса феодалов. Но было бы непозволительно игнорировать, во-первых, тот факт, что кальвинизм возник как течение в лоне христианской церкви, которая в своей социально-экономической доктрине отводила труду, успеху на поприще предпринимательской деятельности

более высокое место, чем буддизм, конфуцианство и ислам. Кальвинизм, как и лютеранство, дал лишь последовательно буржуазную трактовку христианским моральным заповедям. И, во-вторых, нельзя игнорировать тот объективный факт, что кальвинистские страны Северной Европы (Нидерланды и Англия) оказались в XVII в. в числе передовых стран, наиболее продвинувшихся по пути к капитализму отнюдь не в силу появления кальвинизма, а в силу того, что пути мировой торговли Европы с Востоком переместились со Средиземного моря на Атлантический океан. Именно это обстоятельство в той конкретно-исторической обстановке обусловило сначала застой в хозяйственных делах Северной Италии, а затем в XVII в. ее относительный экономический упадок. Северная Италия, которая в XIV–XV вв. шла впереди всех европейских стран, в XVIII в. представляла собой задворки Западной Европы. Англия же в этом столетии, как известно, уже вступила в эпоху промышленной революции.